

Путь

Добро пожаловать! Так приятно делить этот Путь. Мы уже давно путешествуем вместе и прошли много этапов. И, как в любом путешествии, кто-то отставал — с них было довольно и этого цикла; другие ожидали нас, чтобы мы могли их догнать. Путь проходит через семь долин, семь царств, чакр, планов сознания, степеней веры. Нередко мы узнаем, что были где-то, лишь когда прошли это место, ведь когда мы находимся в нем, мы лишены перспективы, чтобы узнать это, — ведь мы только люди. Но с продвижением по пути нужда в том, чтобы знать, все меньше и меньше. Когда вера уже крепка, достаточно просто быть. Это путь к простоте, спокойствию, к той радости, которая вне времени. Это путь за пределы времени, оставляющий позади все модели относительно того, кем мы себя считали. Сюда входит преобразование нашего существа, так что мыслящий ум становится скорее нашим слугой, чем хозяином. Это путь, который уводит нас от первоначального отождествления с телом через отождествление с духом и далее ведет к отождествлению с нашей душой, затем — к отождествлению с Богом и, наконец, к выходу за пределы отождествления.

Поскольку многие из нас шли по этой дороге без карт, из-за столь своеобразного способа путешествия, думая, что она — единственная, это нередко приводило к большой путанице. Мы полагали, что дошли до конца, тогда как это была лишь первая вершина, скрывающая вдалеке куда более высокие горы. Многие из нас были очарованы, потому что переживания на этом пути были столь интенсивны, что мы уже не могли представить себе ничего, превосходящего их. Разве это не удивительное путешествие, если на каждом этапе невозможно представить себе, что может быть дальше? Всякий пункт, до которого приходишь, настолько выше всего, что было до сих пор, что восприятие переполнено и не видишь ничего, кроме самого этого переживания.

На первых этапах ты действительно думаешь, что распланировал путь, упаковал провизию, отправился в дорогу и теперь сам хозяин своей тропы. И лишь после нескольких спусков и восхождений начинаешь понимать, что

есть безмолвные проводники, а то, что казалось случайным и хаотичным, на самом деле отличается стройной системой. Существо, полностью привязанному к своему интеллекту и отождествляющему себя с ним, очень трудно вообразить, будто Вселенная могла быть задумана столь совершенно, что всякий опыт и всякое действие пребывают в пределах гармонии ее законов, включая любые парадоксы. Утверждение: «И лист не упадет без Воли Божьей» — слишком замечательно, чтобы его просто придумать. Со временем мы начинаем признавать, что путь, возможно, простирается дальше, чем мы думали.

Мы пришли из системы философского материализма, в которой мы всецело отождествлены с телом и материальным планом существования, и когда умираешь — то умираешь, так что куй железо, пока горячо. И чем больше — тем лучше, причем, не откладывая, прямо сейчас, ведь неизвестно, когда упадет занавес и все закончится. И лучше не думать об этом занавесе, так как он слишком страшен. Где, на каком участке пути мы начинаем подозревать, что наша модель мира — всего лишь одна из возможных? И что эта жизнь — только часть долгого-долгого пути? В учениях буддизма есть одно очень точное сравнение. Это образ большой гранитной горы шести миль в длину, ширину и высоту. Раз в сто лет к горе прилетает птица с шелковым шарфом в клюве и обвивает этим шарфом гору. Цикл за циклом. То почти бесконечное время, которое потребуется, чтобы обернуть шелковым шарфом гору, и есть время этой нашей работы. Цикл за циклом. Это дает иную временную перспективу, не так ли? Не все циклы — на этом плане, не все — в человеческой форме. Но все они — часть пути, у которого есть направление.

Рано или поздно приходит понимание: что бы мы ни придумывали, нам это все равно не поможет. Ибо ум думает о вещах, а ты и вещь — отдельные, и тут есть тонкая завеса вроде одной триллионной доли секунды, и она существует между тобой и вещью, о которой думаешь. И когда что-то чувствуешь или накапливаешь какой-то опыт, существует различие между опытом (переживанием) и тем, кто его переживает, испытывает его, — и это

очень тонкая пелена. Не важно, насколько она тонка, — она прочна, как сталь. И всегда отделяет вас от происходящего.

Когда же, наконец отчаяние достаточно глубоко, ты капитулируешь. Плачешь внутренне или внешне: «Избавьте меня от этого! Я хочу выйти! Я покоряюсь. Я не знаю. Я сдаюсь». В момент, когда отчаяние достаточно искренне, пелена немного отходит. Я не говорю о желании желая сдаться. Я даже не говорю о желании сдаться, я говорю о том, чтобы сделать это. Проблема в том, что большинство из нас говорят: «Я не думаю, что мои мысли мне помогут, так что откроюсь-ка я теперь для новых возможностей» Забудьте. Поскольку суждение и придумало эту игру, чтобы ему не было нужды меняться, оно заявит: «Все, что не соответствует тому, чем я это считал, я отвергну». У каждого из нас для этого есть свои категории: это либо «сверхъестественно», либо «окультурно», «запредельно» — называй как хочешь. Обычный способ засунуть это куда-нибудь подальше, чтобы не нарушало привычную картину. Вот в чем функция суждения — следить, чтобы картина не нарушалась.

Когда же ты отложишь в сторону мнения и суждения, так как увидишь, что они просто глубже закапывают тебя в твою яму, вот тогда ты сдашься и откажешься от своего знания. Сейчас это действительно нелегко, ведь вся культура основана на поклонении золотому тельцу рационального ума, а иные уровни знания — вроде того, что мы зовем интуицией, — стали для нашей культуры просто ругательствами. Это что-то вялое и сентиментальное, это неверно, нелогично, неясно. Нельзя сидеть в ученом собрании и заявлять: «Интуиция мне подсказывает, что...» Вы скажете: «Основываясь на индуктивных логических соображениях, я выдвигаю гипотезу, что мы сумеем опровергнуть ошибочные гипотезы...» Это то же самое, но мы сделали вид, что действуем, опираясь исключительно на логику и аналитику. Некоторые из нас, я уверен, узнают эту игру. Когда Эйнштейн заявил: «К своему пониманию фундаментальных законов Вселенной я пришел не рациональным умом», многие из его коллег сочли его довольно эксцентричным, потому что рациональный ум — верховный

жрец в нашем обществе. Поймите же, что это только одна малюсенькая система и что есть метасистемы и метаметасистемы, в которые можно войти лишь тогда, когда выйдешь за пределы логического аналитического ума.

То, что поддается изучению, не имеет никакого отношения к тому, что происходит с нами, но зато оно поддается изучению. Пример — пьяный, который ищет свои часы под уличным фонарем. Кто-то приходит к нему на помощь, но под фонарем нет никаких часов, и этот прохожий, наконец спрашивает: «Да где же вы их точно потеряли?» А пьяный отвечает: «Я их потерял вон там, в темной аллее, но тут света больше». Вот мы и пользуемся светом аналитического разума, стараясь найти под фонарем то, что было потеряно в темной аллее.

Ну, давным-давно мы были очарованы своей хватательной функцией — тем фактом, что у нас большой и указательный пальцы могут делать это, а у других видов — нет. Это уже было замечательно, мы обрели столько силы. Но это было ничто по сравнению с предвидением, памятью и всем тем, что мы могли сделать при помощи коры головного мозга. И подумать только, ведь это еще далеко не все. Она даже отправила людей на Луну! Разве это не доказательство? Конечно же, нет. Интересно, что людей живьем зажаривали за утверждение, что антропоморфическая точка зрения на мир не является окончательной.

Все мы вновь и вновь «покупались» на мнение, что физическая вселенная — центр всего, тогда как на самом деле оказывается, что физическая вселенная — лишь одна из целого ряда. И вовсе не обязательно самая интересная. Разве это не угроза нашему эго? И в тот момент, когда возникает хоть немножко такого понимания, ты или выбит из своего рационального ума каким-то непонятным тебе способом, или в жизни твоей произошло какое-то травмирующее переживание, которое тебя из него вытряхнуло. Или ты просто прожил так долго, что отчаялся когда-либо добиться своей цели тем путем, на который полагался.

Каково бы ни было происхождение этого понимания, на мгновение ощущаешь наличие иного рода возможностей в связи с тем, кто ты есть и к чему все это. Это похоже на сцену, изображенную на плафоне Сикстинской капеллы, где руки Божья и человеческая вот-вот соприкоснутся. Как раз в тот момент, когда отчаяние сильнее всего и ты тянешься ввысь, — тут и нисходит милость, и ты воспринимаешь знание, интуицию или припоминаешь, что на самом деле все совсем не так, как ты это себе представлял. Если это происходит слишком резко, ты решаешь, что сошел с ума. И находятся люди, которые охотно помогают тебе поверить в это и упрятывают тебя в соответствующее место.

Ведь еще в охотничьих племенах мистиков считали безумцами, они были неудобны — ведь племя должно быть подвижным, а людей старых и ненормальных нужно было куда-то девать.

Но могут быть и другие обстоятельства. Если ты в момент видения находишься в определенном состоянии, если ты относишься к этому спокойно, или же ты с кем-то таким, кто знает, или если ты знал, но не верил, — а все это дела кармические, — если у тебя была какая-то структура или опорная система, ты скажешь: «Если даже все остальные думают, что я безумен, — это не так».

И когда обращаешься ввысь, и когда обращаешься вовнутрь — начинается обратный путь. Путь очень долго шел от Единого к невероятной безумной множественности этой высокотехнологичной материалистической структуры. И вот, когда отчаяние достигло предела, тут и происходит поворот, и начинаешь возвращаться к Единому. И тот, кто ты есть, начинает меняться. До сих пор ты поклонялся своим индивидуальным отличиям: «Я красивее, я моложе, я находчивее» или же «Я хотел бы быть», — ты всецело был занят обретением какого-то индивидуального отличия, которое мог бы подчеркнуть, ведь там-то и была награда. Ты цеплял на себя серебряные цехины с золотыми блямбами, и это делало тебя особенным, а все говорили: «О, ты особенный!»

Но когда ты огляделся и обрел чувство иной реальности, осознанности присутствия, какое-то место в тебе начинает неизбежно и безвозвратно тебя притягивать, как мотылька — пламя. Долго-долго, быть может много жизней, ты порхаешь вблизи и опаляешь себе крылышки. Так вот — опаляются ли твои крылья, очищает ли тебя огонь или испепеляет, зависит от того, кем ты себя считаешь, потому что огонь может сжечь лишь твой груз привязанностей. Огонь тебя не сжигает — ты, воистину, и есть огонь.

Виктор Мезер

2009